
НИКОЛАЙ ЗАХАРОВ
СКАЗКИ
ДЛЯ
ВЗРОСЛЫХ
3

Николай Захаров

Сказка для взрослых 3

«Автор»
2026

Захаров Н.

Сказка дла взрослых 3 / Н. Захаров — «Автор», 2026

В книге собраны пародии на известные сказки, написанные автором в разные годы. В основном — на русские. «Сказка — ложь, да в ней намек. Добру молодцу — урок».

© Захаров Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

СКАЗКА ПРО ЕМЕЛЮ 5
Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 11
Глава 4 16
Глава 5 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Николай Захаров
Сказка дла взрослых 3

СКАЗКА ПРО ЕМЕЛЮ

Глава 1

Жил в одной деревушке парень. Дурак дураком. Еле восьмилетку закончил на тройки сплошные.

Сунули его, по окончании школы, в СПТУ и там он с грехом пополам научился трактором управлять. С его-то двумя извилинами и это достижением невиданным было. Заводить только инструктор три месяца его натаскивал. Не врубается – хоть ты кол у него на голове теши. В армию, правда, взяли, здоров потому что физически был. Природа матушка она ведь как, если где-то не додаст, то в другом месте обязательно навалит с избытком. Вот и Емельке не поскупилась по поговорке.– "Сила есть – ума не надо". В танковые войска служить его военкомат направил. Танк – он ведь тот же трактор, только с пушкой. Умеешь трактором управлять, значит, и танком сумеешь. Те же рычаги. Вот и ворочал их Емеля два года. Даже пару значков ему Родина на гимнастерку пришпандорить разрешила за старательность. Отслужил, демобилизовался, как положено. Домой вернулся, в родную деревушку. Только пока служил, времена переменились. Колхозы самораспустились и работы в деревне не стало. А жил Емеля вдвоем с матерью пенсионеркой. Пенсия у нее мизерная, едва на хлеб хватает, а больше ни на что не остается. Живут, с хлеба на воду перебиваются. А демобилизовался осенью, зима впереди, в местах тех лютая. Лежит Емеля с утра до ночи на печке русской и в потолок поплевывает. Мать с утра

на приработки бежит, она в бывшем правлении уборщицей подрабатывала, а теперь значит в Акционерном обществе. И там каждый день при встрече с бывшим председателем, а теперь Генеральным директором, просит Емелю на работу принять. И ей там каждый день вежливо объясняют, что не нужны им зимой трактористы. Вот весна наступит с посевной, тогда и поговорим. А Емеле все до лампочки. Нет работы, да и хрен то с этим. Материных пустых щей похлебает и опять на печке в потолок пузыри пускает.

Утром как то мать ему и говорит: – Емелюшка, дрова-то у нас заканчиваются совсем. Надо бы в лес смотаться, заготовить. Вот только как их оттедова приволочь, ума не приложу? Замерзнем ведь. Вон, на растопку только одну и осталось, десяток полешков,– поскреб Емеля в голове своей кудлатой, месяца два не мытой после армии, с печки слез и за водой на речку пошел. Давно, уж с самого утра, чайку хотелось хлебнуть, а в хате вся посуда сухая. На речку пришел, прорубь продолбал ломом и воды зачерпнул. Глядь, а в ведре щученок плещется. Так себе грамм на 300-а. Все равно хорошо на халяву-то. Уже можно уху варить. Обрадовался Емеля и хотел уже щуренку рыло зубастое свернуть. И тут щуренок заверещал человеческим голосом, да еще и по-русски, с новгородским диалектом:

– Отпусти ты меня, ЕмельянушкО, отблОгодОрю ужО тебя, сокол, за доброту,– Емелю натурально чуть "кондратий" не хватил, аж ручонки затряслись и не удержал скользкого щуренка в них затрясшихся. Тот и вывалился прямо в прорубь. Вынырнул, да и молвил водой плюясь: – СпОсибо, тебе ЕмельянушкО. Вот тебе от меня кОлечкО волшебнО. Надень его на палец и как только нуждишка возникнет кОка, ты только скОжи,– "По щуренкину веленью, по мОму хотенью" и проси чО хошь, хочь икру зОморску бОклОжанну по 45 тыщь рублев за

банку,– сказал это вот и на лед кольцо выплюнул. Емеля кольцо поднял, хотел спасибо сказать рыбине, а той уж и не видать, только вода паром исходит и плещется.

Пожал Емеля плечами, шинелью дембельской, с погонами черными прикрытыми и кольцо халявное, дареное на мизинец нацепил. На другие пальцы не полезло. И проверил тут же, не обманул ли его щученок: – Ну-ка,– скомандовал,– вёдры, по щурячьему велению, по мому хотенью, шагом марш домой сами и с песней,– выговорить не успел, а ведра подхватились и расплескивая воду, заскользили к хате Емели и, песню на два голоса заголосили,– "Не плачь, девчонка, пройдут дожди. Солдат вернется, ты Тольку жди",– Слова малость путают, но хорошо получается – душевно.

Емеля сзади следом еле поспевает. Так и ввалились в избу. Впереди ведра голосящие, сзади Емеля запыхавшийся. Хорошо, что мать на работу ушла и всего этого не увидела. Нервы у старушки, совсем расшатанные жизнью заморочной, могло и сердечко не выдержать.

Сел Емеля на табуретку и в затылке чешет.– "Эт что значится, получается, выходит, чо захочу теперя, то и будет сделано? А что там щуренок про икру заморску-то сказывал? Ну-ко по щурячьему веленью, по мому хотенью, живенько икорки бокложанной, да заморской чтоб сюда баночек 200-ти.

И откуда ни возьмись коробки картонные появились, штук пятьдесят. Всю горницу заполнили, а две прямо на коленях Емельевых материализовались. Едва подхватить успел. На коробках написано чей-то не по-русски. Значит, заморские точно. Открыл Емеля коробку одну, а там трехлитровые банки стеклянные и бумажка на каждой приклеена. А на бумажке бОклОжан изображен и опять что-то не нашими буковками напечатано. Емеля тут же пару банок вскрыл и с голодухи их в пять минут опростал. Даже без ложки. Не боярин чай. Наелся икры этой на всю жизнь оставшуюся, замутило даже слегка, после щей-то постных. Сидит, переваривает. Тут и маманя заявилась с работы. Увидала коробки и заволновалась: – Эт-то что еще за такое?– Емеля ей объяснил про щуренка и так при этом сытно отрыгнул, что мать сразу все поняла, успокоилась и спрашивает.– И куда нам этакая прорва икры этой? Ведь за пять лет не съесть. Соседям что ли пораздавать?

– Да хоть и им. Мне не жалко.

– Ты бы, Емеля сынок, о дровах лучше побеспокоился. Я председателя Егория Кузмича просила, просила нынче, чтобы трахтор с санями бы дал привезть, так он ирод не дал. Говорит, что нету исправных. Ох, врет аспид. Магарыч вымогает. Да гдеж его и взять, магарыч ентот?

– Ни че, мам, мы теперь и без них обойдемся щелудивых гадов. Я танк свой армейский сюда по щурячьему веленью вытребовал, уже минут пять, как под окнами стоит. Пошел двигатель заводить. Будут тебе дрова,– успокоил мать Емеля и из хаты вон подался.

Глава 2

А в это время в Псковской имени Суворова, орденов несчетно скольких, краснознаменной, гвардейской, танковой дивизии переполох начался. Пропажа танка обнаружилась. Пропал Т-80Б прямо из запертого ангара. Пришли утром механик-водитель с командиром, открыли ворота и пустым его обнаружили. Украли танк прямо с территории парка. Это же ЧП на все вооруженные силы. Командир дивизии – Генерал лейтенант Загребайло. Пы. Фы, приказал срочно построить на дивизионном плацу всех прапорщиков числящихся в списках личного состава. Через час ему доложили, что стоят, ждут.

Вышел генерал перед строем и гаркнул: – Вы что ж это творите, суК-Кины дети? Мало вам сволочам простыней, бушлатов, сапог и сухпайков – вы теперь уже и за технику принялись? Воры, два шага вперед,– от неожиданной команды такой, весь, малость от мороза затупевший, прапорщицкий личный состав, машинально ее выполнил. Четко отпечатав два этих шага по промерзшему на глубину 3-х метров дивизионному плацу. Все двести человек, как один. Генерал даже растерялся от наглости такой и скомандовал теперь уже конкретнее.– Кто, мать-перемать, спер танк – шаг вперед.

Прапорщики-воры непонимающе запереглядывались.– «Чего это такое понес отец-командир? Какой танк? Кому он нужен? Кто его купит?»– И с места никто не сдвинулся.

– Не хотим, значит, признаваться? Ну, что ж, голуби. Долго я ваши неправды терпел, но и моей терпелке предел настал. Всех под домашний арест в гарнизонный клуб и не выпускать их оттуда мерзавцев, пока инвентаризацию вверенного им имущества не проведем,– отдал он распоряжение особисту-подполковнику. А тот парень исполнительный и немедленно поднял по тревоге комендантскую роту. Погнали бедных проворовавшихся прапоров в клуб гарнизонный, который, кстати, отапливался очень хреново. Посадили несчастных на голодный паек и неделю терзали в таких вот условиях, пока шли проверки в ротах, батареях и отдельных взводах. Очень много нарушений было выявлено, таких, что каждого из 2-х сот можно смело было разжаловать и отправлять в дисбат рядовыми. Но вот следов танка украденного обнаружить так и не удалось.

Генерал лейтенант Загребайло.Пы.Фы, понял, что без высшего руководства полка на вооружении, которого сей танк числился, не обошлось и вызвал к себе на ковер командира этого полка полковника Иванова.Гэ.Дэ и зампотеха подполковника Петрова.Пы.Бы.

– Вот что, братцы, даю вам сроку неделю. Танк вернуть в часть и доложить. Через неделю отправляю рапорт в вышестоящие инстанции, и полетят тогда с вас звезды, как листья осенние. Свободны!– взял он их за горло.

А Емеля тем временем танк свой завел и в лес на нем порысил. Наломал там березок десятка полтора, тросом лебедочным стянул и домой приволок. Топору да пиле команду дал заготовкой поленьев заняться, а сам на печку залез и под шинелью пригревшись, закимарил. Под визг пилы и треск чурок раскалываемых. Два дня проспал, замаявшись. А вы думали как? Попробуйте-ка побегать с тросом по сугробам лесным… Это не на дискотеках ногами дергать…

Через двое суток проголодался и с печки слез. Мать у плиты хлопочет. Что-то вкусное разогревать принялась, мясцом припахивающее. Она, пока Емеля хоря давил, икру соседям по дешевке за треть цены сбагрила и, денег теперь в семье хватало даже и на щи с мясом.

Навернул Емеля пару мисок щец, бадейкой молока сверху залил, литров на пять и опять на печь уполз. За дровами только сходив по просьбе матери. Хорошо топор с пилой поработали. Слов нет. Так разогнались, что пару яблонь соседских на дрова исхлестали. Вовремя Емеля вышел проверить и остановил их. И так скандала уже не избежать, а ведь могло бы и чего

похуже быть. Не останови он этих работничков безмозглых. Избенку бы, к примеру, разнесли на дрова соседскую. И хорошо если бы за соседскую принялись, а если бы за Емелину сначала?

Сосед прибежал минут через пятнадцать скандалить. От возмущения даже обуться забыл, так босой по снегу и примчался.

– Это чтож за хрень, Емеля?– заблажил, в избу вломившись.– Эта как? Эта по какому такому праву ты мои дерева повалил на дрова?– по горнице мечется и босыми ногами следы мокрые печатает.

– Да их ышо отец мой сажал. Ты понимашь? Че сотворил? Да я тебя паскудника такого в бараний рог сверну,– как же свернет он. Да Емеля его одним шалобаном прибьет, если до драки дело дойдет. Мелкий мужиченка. Но, как известно – мал клоп, да вонюч. И потом в праве он своем. И пришлось Емеле извиняться:

– Да ладно тебе, Петруха. Мы ж с тобой в путяге вместе учились. Я заплачу, сколь скажешь. Вона, хошь забирай оставшуюся икру заморску. Целых десять банок отдаю. На полмиллиона рублев,– предложил он материальную компенсацию за нанесенный ущерб.

– Да на хрена мне эта трава давленая сдалась, в масле подсолнечном? Деньгами давай,– Петруха даже плюнул в сторону коробок с деликатесом заморским.

– Ну, хорошо, хорошо. Деньгами получишь. Завтра маманя занесет. Ты меня ведь знаешь, я не обманываю,– Емеля взял ласково Петруху за шиворот, да и выдворил пинком за двери. Тот еще полчасика у окна повозмущался и уколдыбал к себе. Ноги дольше не выдержали. Мороз под вечер до -30-ти раскочегарился. Декабрь на дворе, не июнь месяц. А Емеля на печь вполз, в шинель завернулся и стал думать. Где ему денег за яблони расплатиться взять. И пришла ему в голову вдруг мысль удачная,– "А что ежели по щурячьему веленью испросить?"– за ухом почесал, да и изрек просьбу.– По щуренкину веленью, по мому хотенью ну-ка полмиллиона рублев мне на печь подать,– только договорил и повалили рубли. Ему бы, Емеле покрупнее купюрами попросить, а он не сообразил, вот и посыпались рубли металлические. Ровно полмиллиона. Полкухни куча заняла.

Такой вот казус случился. Пришлось с печи слезать, два мешка из-под картошки по щурячьему велению пустых просить и лопатой целый час эти рубли в них ссыпать. А потом, как и обещал, утром их к Петрухе самому тащить. Мать старуха-то и не подняла бы вес такой. Перетаскал мешки к крыльцу Петрухиному и барабанит в двери: – Эй, сосед, деньги выходи получить,– тот выскочил радостный, рот до ушей. Емеля ему все рубли к ногам и высыпал.– На, живоглот, мы свое слово держим. Пересчитывать будешь?– у Петрухи шары на лоб полезли.

– Ты бы еще копейками принес. Куда я с железом этим? Где это ты их насобирал за ночь?

– Извини, мельче нынче не бывает. Копейки инфляция, говорят, сжевала. Так что бери, че дают. А в магазин будешь с ведром заместо кошелька теперь ходить. Отсыпешь, сколь надо и вперед. Ну, мне некогда с тобой тут лясы точить. Сосчитаешь когда, забеги. Вдруг не хватает. Я добавлю. За два дня управишься?– ответил Емеля и спать пошел. С этими дрязгами совсем умаялся.

Вот сосед-то Петруха осерчав и стуканул видать участковому деревенскому Митьке Федоркину, что у Емели во дворе танк настоящий уже неделю целую стоит. Или другой кто донес?

Федоркин – мужик ответственный, в органах лет двадцать уже отслуживший и до капитанских аж погон, отреагировал, как положено. И двух недель после доноса не прошло, а он уже в двери Емелины стучится. Во дворе перед этим вокруг танка походил, номер его себе в блокнотик перерисовал и даже ствол пулеметный понюхал. Не стреляли ли из него давеча. Ствол пах замерзшим смазочным маслом и равнодушно торчал, уставившись в окна соседа Петрухи.

Митька-капитан минут пять Емелю добудиться не мог. Еле растолкал и сразу вопрос в лоб задал:

– Откуда танк во дворе, Емеля? Где взял?

– Какой танк на хрен?– не понял Емеля спросонья.

– Какой. С пушкой и пулеметом который и с номером бортовым 116-м?– Емеля окончательно проснувшийся, понял, что с танком этим он маху дал. Достанут теперь расспросами. Покоя ведь не дадут теперь и хоть поздно, но ошибку свою исправил. Вернул танк обратно в часть, прошептав скороговоркой свое заклинанье щучье.

– Чего ты там бормочешь? Танк спрашиваю чей? Откуда взялся?– дернул его за рукав Митька-капитан.

– Ты че, Мить, с похмелья или как? Какой танк? Где?– Емеля совсем дураком прикинулся.

– Я тебе не Мить. Я тебе гражданин капитан. Слезай с печки, арестовываю я тебя по подозрению в хищении казенного имущества,– обиделся на фамильярность Митька и из кобуры свой табельный " макар" выпростал. Трясет его перед носом Емелиным, того и гляди стрелять начнет, в рвение впав. Пришлось с печи слезать.

– Ну, и где танк? Пошли, покажешь,– Емеля ухмыльнулся.-Интересно поглядеть. Я после дембеля уже месяца три, как ни одного не видал. Соскучился по ним,– вышли во двор, а в нем пусто. Нет танка. Только следы от траков и масляные пятна. У Митьки-капитана рот самопроизвольно открылся от удивления и закрываться ну никак не хочет обратно.

– Ну, и где танк? Тебе, Мить, пить надо меньше. А самолет или вертолет ты тут не видал часом?– заботливо осведомился Емеля. Однако Митяя на мякине не проведешь. – Ага,– кричит,– сообщник у тебя видать имеется. Уж не маманя ли твоя, пока я будил тебя, танк спрятала? Вон следы-то от траков и пятна масляные,– "Вот ведь гад глазастый",– подумал Емеля и хоть и с запозданием, следы оставленные танком по щурячьему велению ликвидировал. Чистеньким двор в одну секунду сделался, будто и не ходил по нему ни кто, ни когда. Даже следы Митяя, исчезли. Те, что он всего минут несколько назад тут натоптал. Все снежком присыпано.

– Где следы? Гражданин капитан, Митька. Пить меньше надо. Скоро не только танки со следами мерещиться начнут, а черти с рогами полезут,– съязвил Емеля, ошибку исправивший. А Митяй-капитан кулаками глаза трет, не верит им. Потом на четвереньки встал и по двору пополз. Следы ищет. Надоел он Емеле расследованиями своими и по щучьему велению отправил он Митяя домой, залив для надежности пол-литра водки ему в желудок. И сам спать ушел. А в Псковской гвардейской опять переполох. Не успели комполка с замполтехом от звезд на погонах избавить, как появился пропавший танк в ангаре целехонький. Прямо средь белого дня у всех на глазах. Только что место пустое было, а через секунду уже танк стоит. И номер на борту как и положено 116-ть. Хорошо, что не придавило ни кого. Доложили комдиву. Примчался тот лично. Вокруг танка ходит, щупает. Тут же особист принюхивается.

– Ты понимаешь что-нибудь?– комдив Загребайло.Пы.Фы. его спрашивает.

– Понимаю, что воры танк вернули. Продать, наверное, не смогли. Вот ведь ловкачи. Взяли и ни кто не видел. И вернули так что никто не почухался. Умельцы видать. Уж не из разведроты ли орлы тут чудили?– высказал предположение особист.

– Какая разведрота, подполковник? Тебе же куча свидетелей докладывают, что он в один момент материализовался. Может инопланетяне безобразничают? Читал я про тарелки эти хреновы, летающие. Зря мы выходит Иванова с Петровым из армии выперли,– сообразил комдив.– И в тюрьме они сейчас безвинно сидят. Распорядись там, чтобы выпустили и в званиях восстановили. Я приказ подпишу и ходатайство министру. Но нужно будет что-то внятно докладывать, а не версии фантазейные. Подумай хорошенько. Ты мужик башковитый. Реальное что-нибудь,– распорядился он.

Всю ночь особист не спал и к утру придумал версию правдоподобную. Что путаница из-за номеров случилась. Дескать, обновляли номера и солдатик два танка одним номером затрафаретил. Вот и пропал танк как бы. А на самом деле досадное недоразумение случилось. Винов-

ник уже найден и должным образом наказан. Взыскание на разгильдяя наложено дисциплинарное в виде трех нарядов на кухню вне очереди. Очень эта версия комдиву понравилась.

– Ну, брат, ты мастер версии сочинять. Да ловко как это у тебя получилось,– похвалил он особиста.– Пора, вижу, полковника вне очереди присваивать. Молодец!– и закорючки свои где надо поставил.

Глава 3

А Емеля на следующее утро проснулся и понял, что выспался вперед лет на пять не меньше.

За все два года службы отоспался и еще запас, как верблюд сделал, -"Чем бы заняться теперь. Скучно что-то живем мы с маманей. И одет я во что? Гимнастерка солдатская и шинель для улицы, с сапогами кирзовыми. А ведь другой, кто поумнее меня, с колечком-то таким щучьим, пади уже барахлом бы весь дом завалил. Эх, и чего я такой недотепистый у мамани народился?– и пришла Емеле в голову мысль опять удачная.– "Хочу умным быть по щуреночному велению, по мому хотенью",– только произнес слова эти и прояснение на него снизошло. Вроде как до этого на тормозах мозги были за занавесью темной. И вдруг занавеска эта распахнулась и с ручника мозги за нее выпорхнули. Ясность наступила необыкновенная и память такая звонкая и подробная, что Емеля вспомнил, как в детском садике однажды, когда ему четыре годика было, к ним делегация иностранная заявилась и целый час через переводчика детишек и воспитателей расспрашивала. Как живут и что жуют. Так он все, что они на языке своем непонятном тогда говорили, вспомнил и до запятой сейчас, хоть и, не понимая, повторить мог,– "Как же я жил в темноте-то такой?"– удивился проясненный Емеля.– "Ведь не интересовался ничем. Жрал, да спал, как медведь в берлоге. А ведь, сколько всего в мире интересного. А языков, а наук. Ох, дурак я дурак".

И принялся поспешно наверстывать упущенное за прошлые 20 лет жизни. Учебники с 5-го по 10-ый класс вытребовал и пролистал их за два часа. Маловато показалось. На институтские учебники набросился. Гора книг растет рядом с печкой. Компьютеризацией увлекся, программированием. Компьютер заказал последний пентиум. Сам подключил, сам настроил по книгам. И сам в сеть интернетовскую влез через спутник, все коды и пароли на нем обойдя. Американский оказался. Военный, конечно. Там взлом сразу просекли и всполошились. Отследили, определились, что хакер проломил защиту их откуда-то из Псковской области России. Запрос послали в МВД России и ноту протеста в МИД России. Требуют изловить преступника и им передать. Интерпол подключили. Засуетились, в общем. А Емеля в спутнике покопался, ничего интересного для себя /поучительного/ не нашел. Немножко из пушки лазерной пострелял по мусору разному мимо пролетающему, часика два. Потом заряд у батарей кончился. Шипит лазер, и лучик еле-еле из него светится. Плюнул на него Емеля и запеленговал другой спутник. Этот японским оказался и именно для телефонов и интернетовских дел ими туда выведенный. Тут уж Емеле пришлось часок поломать голову. Вспотел, пока систему защиты обошел. Зато, какой простор открылся. Сколько информации. Языки, правда, пришлось японский и английский срочно осваивать. Особенно с японским помучился. Письмо у них заковыристое. Иероглифы эти мудреные. Два часа на них убил. Пока освоил. Английский-то язык по сравнению с японским и не язык вовсе, а так – набор терминов. Словарь пролистнул за 15-ть минут и правила грамматики, делов-то. А у японцев – это что-то! Искусство! Высокая поэзия.

А в Токие, тоже все на ушах. Копается кто-то в их спутнике, как в кармане собственном. Попытались вышвырнуть наглеца и перекрыть доступ. Так этот наглец сам их вышвырнул и запер от них, их же спутниковую систему. Еще и похихикал. А когда все самые крутые спецы собрались и мозговым штурмом проломили все же защиту, то прочитали танку

Страна восходящего солнца, где время?
Течет из ладоней твоих? Осенних?
Как желтые ворохи листьев и шорохи грустные их?
Умрут они, не воскреснут – Я знаю!
Они – бесполезное бремя… Считаю.

Дальше пробиться не получалось,– "Этот наглец заложил в эту танку какой-то смысл заумный. Код видимо в словах",– пришли к выводу высоколобые японские операторы. Собрали самых гениальных. Эти два дня ломились и пробились к Хайку.

Ключ так прост и доступен,

Как загадка про палку.

Нужно просто припомнить о крылечке считалку.

–"Этот хакер, совсем не уважает нас",– разобиделись японцы. Целую неделю копались в справочниках на всех языках мира и нашли в русском. Детскую считалку про золотое крыльцо, на котором сидело куча народу. Большое видать крыльцо. Кого там только на нем не было… Применили, как пароль доступа и наконец-то смогли войти в собственную систему. Вышвыривать незваного гостя больше не пытались. Ведет себя, в общем-то корректно. Не позволяет пароли менять? Ну и ладно. Считалка вполне годится и если он – этот мистер "Х" никому не проболтается, то и пусть остается. Запеленговать сигнал тоже сумели. Россия, Псковская обл. Но претензий и нот предъявлять русским не стали. Потерять лицо не хотели. Восток дело тонкое, как известно.– "И хакер-то, явно лицо частное, ну и пусть его",– а вот Америкосы, тонкостями свои действия не обставляли. Ломились, как носорог через саванну. Целую группу послали в Россию. Прилетела группа в Москву и через посольство начала интриги плести. Давить на правительство российское. Требовали предоставить им неограниченные полномочия на территории России. Для выявления и обезвреживания злодея-хакера. Посмевшего, запустить свои лапы грязные в святая святых – в космическую программу США.

А в правительстве России один другого продажнее и трусливее. Америкосы еще и не начали прессинг как следует и сумму на взятки процентов на 15-ть всего израсходовали, а уже разрешение получили на любые оперативно-разыскные мероприятия на территории страны и при обнаружении хакера, заранее разрешение подписанное, на экстрадицию этого негодяя. Мало того, им целую роту спецназа в распоряжение полное выделили и танковый батальон – из Псковской, танковой, им. Суворова, с кучей орденов дивизии. С широтой российской подошли к нуждам союзничков. Америкосы, не ожидавшие такого встречного движения, растерялись даже и отказываться начали.– "Нам бы одного человека сопровождающего и довольно.."– а им в ответ.– "Нет. И слушать не хотим. Престиж страны. Президент наш, вашему президенту обещал всяческое содействие и мы не только батальон, мы всю дивизию, если надо по тревоге поднимем, и псковские огороды прочесывать раком бросим",– старший американосовской группы ответ такой в администрации президентской получив и ошарашенный им, не нашелся, что сказать, пробормотав:

– Сэнк ю,– убрался восвояси в посольство. Там он впервые в жизни напился до поросячьего визга и, шарахаясь по гостинице, приставал ко всем с одним и тем же вопросом.– Что делать?– никто Джеймса Бонда понять не мог или не хотел. Утром его пригласил к себе сам посол и спросил:

– В чем проблема, Джеймс? Что-нибудь не так?

– Все не так. Не нормально себя ведут эти русские.

– Что они сделали не нормально, Джеймс? По-моему они пока вообще ничего не делают. Только обещают сделать.

– Кларк, мы знакомы с тобой уже Бог знает сколько лет. Скажи откровенно. Зачем нам все это? Эта Россия зачуханная с ее проблемами? С этими морозами и снегом? Почему они такие? Почему когда я прошу одного человека, мне дают дивизию?

– Ну, Джеймс, на эти вопросы я тебе двумя словами не отвечу. Геополитика, дружище. А почему русские такие, так тут их умом не понять. У них поэт один так и сказал,– "Умом Россию не понять"

– Да-а-а?– удивился Джеймс.– И чем этот поэт рекомендует понять эту страну? Есть у него рекомендации?

– Нет, парень, чем ее понять он не говорит, а предлагает просто верить и все.

– Как это верить?

– А вот так! Ты просишь человека – тебе дают дивизию, верь что все как-нибудь обойдется с Божьей помощью и мимо пронесет. У русских и словечко для этого в языке имеется. – "АВОСЬ"

– Эвойс? И что оно в переводе означает?

– А то и означает, что как-нибудь – с Божьей помощью, все само собой разрешится – авось.

– Что за страна? Что за люди? Что делать?

– О-о-о, старик, да ты русского воздуха, гляжу, надышался. У них это самый актуальный вопрос во все времена. Только и делают, что ничего не делают, а вопрос этот друг другу без конца задают. Вопрос – паразит. А потом следом, когда ни черта у них не получается еще один такой же есть.– "Кто виноват"? Ох, Джеймс, не дай тебе Бог дожить до того времени, когда русские его задавать начнут. У них, опять же один поэт сказал,– "Не дай Вам Бог увидеть",– они ведь не просто этот вопрос задают, они крушить все начинают. Причем бессмысленно и с жестокостью тупой и необыкновенной. Бунт это называется.

– Бунт? И как понять, что бунт начинается у этих русских?– Джеймс уставился на посла опухшими от вчерашней пьянки глазами.

– Поймешь. Как бить начнут ни с того ни с сего, значит, начался,– посол потрепал Джеймса по плечу.

– Иди, Джеймс, и положись на Господа, если веруешь. А если не веруешь, то просто иди и выполняй свою работу – авось все и получится, как надо.

– Эвойс! О-о-о!– Джеймс схватился за голову и отправился к своей группе. Состояла она из трех человек вместе с боссом т.е. кроме самого Джеймса еще двоих.

Ввалившись к ним в номер, босс прямо с порога заявил: – Парни, расслабляться нельзя. Эти русские, с их непредсказуемостью, похоже, хотят выставить нас на посмешище всему цивилизованному миру. Вчера я попросил у них для сопровождения человека – одного… Они выделили целую роту диверсантов-головорезов и батальон танков. И еще обещают на месте привлечь дивизию танковую. Это не есть хорошо. Нам шум не нужен. Наша задача найти хакера и доставить его в Пентагон. А русские со своим "Эвойс" могут все испортить к чертовой матери.

– Босс, что за эвойс ты помянул? Мы не поняли. Это что название танка?– полюбопытствовал один из подчиненных, афроамериканец и блеснул при этом белыми зубищами.

– Если бы, Скотти, танк. Это образ жизни такой. Я и сам не все понял. Кларк плел там что-то про фатализм местный. Вобщем так, парни, у этих русских фатализм в крови и все что они делают этим и объяснить только можно. Не пытайтесь их понять. Они сами себя понять не могут и чуть что, сразу впадают в крайности. Бунт – у них это называется.

– Бунт – а это что еще за зверь такой?– заинтересовался второй член группы, вполне бледнолицый.

– Джонни, когда бить тебя начнут, значит, бунт начался. Понял?

– Нет, не понял? За что бить начнут и что делать тогда?– растерялся Джонни, а Скотти серыми пятнами покрылся.

– Вот, вот и они сначала вопрос этот же задавать начнут, а потом бьют.

– Дикари какие!!!– вомущенно зафыркали соратники.– Тогда зачем нам такие сопровождающие? Сами как-нибудь не заблудимся. Карты у нас хорошие, посольство джип дает и поехали.

– Поздно, парни, спецназ уже посольство оцепил. Муха не пролетит. Взгляните в окно. Полевая кухня с утра дымит. Ждут нас. Чтобы помогать. Придется смириться. Кто из вас в Господа верует – молитесь и собирайтесь. Эвойс, все обойдется.

Утром следующего дня Джеймсу был представлен командир роты спецназовцев – капитан Семенов. Здоровенный парень в камуфляжном бушлате.

– Прибыл в ваше распоряжение, господин Бонд,– доложился, щелкнув каблуками капитан и впился глазами василькового цвета в лицо Джеймса, преданно и в ожидании этих самых распоряжений. Джеймс, владевший русским в рамках университетской программы, сморщился, как от зубной боли и спросил:

– Вас как, господин капитан, вне службы называют? Меня Джеймс. Давайте без этого официоза?

– Анатолием называют,– ответил бравый капитан и каблуками ботинок армейских опять щелкнул.

– Вот что, Анатолий, зовите меня попросту Джеймсом. Договорились? Ну, вот и хорошо. А теперь о наших с вами задачах. Мне нужно разыскать на территории Псковской области пользователя ПК, который нарушает все международные договоренности и вмешивается, не имея на то полномочий, в работу некоторых административных служб моей страны. Нанося тем самым ей определенный материальный ущерб и внося хаос в годами отлаженные системы связи и коммуникационные инфраструктуры. Нами получено разрешение вашего правительства на выявление этого субъекта и пресечение его незаконных деяний. Ваша задача – оказывать нам содействие в поисках и задержании преступника и сопровождение нашей группы из трех человек.

– Задача ясна, Джеймс. Разрешите приступать?

– Не спешите, Анатолий. Куда приступать? Давайте согласуем наши действия. Необходимо отбыть в Псковскую область. Как мы это будем осуществлять? Посольство предоставило нам джип "Чироки". В каком порядке и на каком транспорте собираетесь следовать вы со своими парнями?– Анатолий засмеялся.

– Джеймс, какой Джип? Зима в России. И очень снежная в этом году. Дорог нет. Направления остались. Московскую область вы, конечно, проскочите и завязнете на первой же версте после нее.

– Как это? В наших справочниках и на карте обозначены дороги и говорится, что они вполне пригодны для наших внедорожников. Джип"Чироки"– хоро-ошая машина.

– Это летом, Джеймс. Выбросите ваши справочники. Говорю же, зима снежная нынче. Дорог нет.

– Но разве их не чистят у вас от заносов?– Удивился Джеймс Бонд.

– Кому это надо? Техники нет. Топлива не хватает. Забудьте про джип. Летим до Пскова на самолете. Десантный борт нам уже выделен. А там берем танки обещанные Псковской дивизией и вперед. Авось прорвемся,– Джеймс вздрогнул,– "Ну, вот начинается. Первое Эвойс прозвучало из уст этого бравого вояки",– Подумал он, а вслух произнес:

– И когда вылет? Немедленно, я надеюсь?– Анатолий опять разулыбался,– "Наивный американец. Смешные они люди".

– Ну что вы, у нас так не бывает. Сейчас проблемы с керосином авиационным. Лимит. Авось через недельку отмашку дадут.

– Как керосина нет? Да ваша страна третье место в мире по добыче нефти занимает. Где керосин?

– Заводы, сэр, стоят. Нефтеперегонные. Приватизация, то се. Вобщем, нет керосина у летчиков. Если только из фонда министерского выбьете, или из президентского. Но это тоже пока согласования, пока подвезут… Всяко неделя пройдет. Какие будут распоряжения в связи с открывшимися обстоятельствами?– опять щелкнул каблуками капитан Семенов.

– Ждать. Я займусь керосином и сообщу, что делать. До свидания, Анатолий. И нельзя ли ваших людей убрать куда-нибудь от ворот посольства? Сотрудники нервничают. Начальник охраны не спит вторые сутки.

– Нельзя, Джеймс. Я человек маленький и выполняю приказ. А в нем сказано однозначно. Обеспечить благоприятствование и содействие. Как же я его выполнять буду, если людей уберу?

– Ну, хорошо, хорошо. Сидите в своих палатках. Мне вас просто жалко стало – 25 по Цельсию все же.

– Ничего! Мы привычные, авось обойдется. Российский спецназовец – не кисейная барышня,– ответил капитан и Джеймс тревожно заозирался. Пять минут он с этим капитаном российским беседует и трижды услышал "эйвос", прав, похоже, Кларк. Умом тут не поймешь. И вот еще словечко проскочило "ничего". Не понятное",– и спросил капитана, стараясь как можно деликатнее формулировать вопрос. Даже вспотел, слова русские подбирая:

– А вот поясните, Анатолий, будьте любезны. Что означает слово "НИЧЕГО"?– Анатолий удивленно вытаращился на американца васильковыми глазами,– "Прикалывается Пендос или на самом деле не врубается?"– и даже шапку сдвинув, в затылке поскреб.

– Ну, ничего – значит ноу проблем по-вашему. Андестенд?– блеснул Анатолий знанием языка бывшего вероятного противника.

– Ес!– Джеймс пожал руку капитану Семенову, похлопал его по камуфлированному, крепкому плечику и пробормотав: – Ничего, ничего – будет керосин сегодня же,– помчался к Кларку. Послу США в России.

– Кларк! Мне нужен керосин!– заорал Джеймс Бонд, врываясь в кабинет посла.

– Присядь, Джеймс. И объясни толком, что там у тебя произошло. Какой керосин?

– Авиационный, черт его побери. У русских его нет и самолет они дали без топлива. А по дорогам ихним можно ездить только на танках. До Пскова дают борт, а от Пскова батальон танков. И наверняка тоже без солярки. Так что и для танков тоже горючее нужно заранее искать. Помоги, Кларк. Иначе мы завязнем тут надолго. А преступник тем временем потрошит систему безопасности штатов,– Джеймс обессилено, рухнул в предложенное ему кресло.

В течение часа посол по телефону «жал» на все, что можно. До президента Российского даже сумел дозвониться и минут пять с ним через переводчика пообщаться. Тот никак не мог взять в толк, зачем послу понадобился керосин. Свет что ли погас в посольстве и лампы керосиновые аварийные заправлять нечем? Добился в конце-концов посол обещания, обеспечить борт Джеймсу выделенным авиационным топливом, без лимита и проволочек. Машина бюрократическая завертелась, скрипя шестеренками и, не прошло недели /всего шесть дней/, как Джеймс со всей своей командой и ротой спецназа, во главе с капитаном Семеновым, загрузился в самолет и вылетел в направлении Пскова.

Глава 4

В Пскове, на военном аэродроме их встретили представители Псковской танковой дивизии и, загрузив в три автобуса, немедленно доставили по месту ее дислокации. А там их сам комдив встретил и долго расспрашивал у себя в кабинете, как и что он может со своей стороны предоставить. Ему позвонили из Генерального штаба и приказали оказать содействие вплоть до привлечения всего личного состава дивизии. Вот он и пытался понять, что за мероприятие собрались проводить на территории области эти янкесы, прибывшие в сопровождении целой роты элитного спецназа ГРУ. И зачем им может понадобиться целая дивизия танковая. Услыхав про хакера, мысленно выматерился.

– Ну, господа, да тут и танк-то не нужен, я думаю. Дадим вам пару троек БТР-в-60-ых. Одного-то штафирку изловить и то не много ли чести и шуму из ничего? Координаты-то имеются злодея?– вежливо все же отреагировал он.

Джеймс разложил на столе идентификационные карты, с пометками спутниковых отсечек искомого объекта. И даже спутниковые снимки вытряхнул с таким разрешением местности обследуемой, что генерал, их просматривая, только крякал от зависти.

– Деревушка-то центровая, бывшего колхоза "Светлый путь", а теперь АО и соответственно "Рыночный путь". И название у деревни хорошее, наше русское – "Олухово". Я распоряжусь насчет БТРов. Желаю успешно провести операцию,– в итоге благословил он предстоящую операцию по изобличению и изъятию злодея.

Такая вот нешуточная развернулась вокруг Емели возня. И угораздило же его на спутник этот американский по неопытности нарваться. Он то и думать про него забыл, ему и японского теперь хватало. Тем более, что ребята там не злобивые, душевные и покладистые оказались.

Забрасывал им иногда дружеские танку и хайку. А они как дети, честное слово. Рады и иначе как Сенсэем его уже и не величают. Да еще с заглавной буквы. Даже особый иероглиф в его честь придумали и ему преподнесли. На русский язык если перевести, то дословно звучит так.– "Тот, который танку и хайку в спутнике нашем сочиняет". Ну, по-русски корявенько получается, а вот на японском просто блеск. Изящно. Не язык -песня. За две последних недели Емеля преобразился. Даже маманя порой его узнавать переставала и пугалась. Как подменили парня. Слова непонятные говорит. Оделся как то не обычно. А главное и ей покоя не дает. Работать уборщицей не разрешает, одежду велел переменить. Удобную, правда, предоставил, но не привычную. Вот хоть шуба эта соболья. Ну, до чего в ней неудобно ходить. Длинновата больно. Но терпит Ефросинья. А Емеля смеется: – Мама, да эта шуба, знаешь ли сколько из соболей стоит? 50000 долларов американских,– ну Ефросинья в американских рублях сроду не разбиралась и не поняла много это или мало. У нас вон булка хлеба нынче три тысячи рублей стоит. Раньше на эти деньги дом купить можно было в деревне и, еще на корову бы осталось. А сколько хлеба можно купить на американские 50000? Спросить у Емели стесняется. Вдруг буханок сто можно, тогда это же золотая шуба-то. А Емеля и за дом принялся. Расширил его слегка и этаж еще один надстроил, только не вверх, а вниз. Вот ведь выдумщик. И соседей не обидел, солнце ни кому не загородил и места там под землей сколько хочешь. Когда Ефросинью он туда первый раз на лифте доставил, у нее ноги подкосились.

А уж когда на кухню ее завел и все показывать начал, то она и вовсе за сердце хвататься стала. Но ничего, освоилась. И с плитой плазменной, и с телевизором шестикомфорочным, и с холодильником при двух морозильных камерах. Свет только никак не могла научиться включать. Он по команде голосовой или по хлопку загорается, а она все по стенкам шарит, клавиши ищет. А к ванной и к туалету быстро приноровилась… и машинка ей стиральная очень понравилась. Емеля ей показал, на какие клавиши жать и Ефросинья дня два от нее не

отходила, по два раза все перестирав. Даже задремала однажды прямо рядом с ней, уютно покошачьи поуркивающей.

На печи теперь Емеля не валялся, а торчал возле экрана компьютера с утра до ночи. Отрываясь только от него для принятия пищи и в зал спортивный с тренажерами. Ефросинья все помещения их дома подземного обошла и со счета сбилась. Сколько их всего. А по площади метров 700-т квадратных, никак не меньше. Залище, вон спортивный только, метров 200-ти. Ведь с бассейном соорудил. Высмотрел в компьютере своем и осуществил один к одному. И вода в нем с подогревом. А парилку какую отгрохал. И под веник, и так посидеть, попотеть. Сауной называется. Говорит, что это он у фиников на сайте скачал.– "Умный видать народ эти финики",– Ефросинья пугаться и удивляться уже в первую неделю устала. И махнув рукой на страхи, решила положиться на сыновью голову. Ему лучше знать, как и что. А ей-то много ли надо? По морозу с ведрами за водой бегать не нужно – и уже хорошо.

А тем временем Джеймс с сотрудниками Скоттом и Джоном, в сопровождении роты спецназовской уже погрузились в шесть БТРов. И колонна их медленно поползла в сторону деревни Олухово.

Не прошло и трех часов, как колонна, ни разу не завязнув в сугробах, уже вползала в этот населенный пункт. Сориентировавшись на местности, отыскали нужное строение и метров за двести выгрузившись, оцепили его силами роты спецназа. Домишко стоял на самом краю деревни и время было уже темное, поэтому местными жителями действия эти замечены не были. Только Петруха, вышедший по нужде, удивленно пялился минут пятнадцать на торчащий сразу за его домом БТР. С притушенными фарами. И никак не мог понять, что это за техника тут появилась,– "Уж не Емеля ли опять танк свой поставил",– но силуэт был на танковый не похож и Петруха, распираемый любопытством, двинулся, раскрыв рот в сторону БТРа. В опорках из валенок на босу ногу и в наброшенном на голые плечи полушубке драненьком он и был нейтрализован, сидящими в засаде спецами. Спеленали в две секунды. Заклеили рот спецсредством и зашвырнули в его же Петрухин сарай, прямо под ноги удивленно-взбрыкнувшей корове. Жевать даже бедное животное перестало. Петруха ворочался у нее под копытами, пытаясь освободиться от пут и, мычал так яростно, что корова совсем обалдевшая, начала отвечать: – ММММ-ы-ы,– свирепел Петруха.– Му-у-у-у,– сочувствовала ему корова.

Джеймс убедившись, что мышеловка захлопнулась и преступнику уйти из длинных лап родного правосудия не удастся, подошел к двери "русского бунгало" и постучал в дверь. Свет в "бунгало" не горел и никто на стук не отозвался.– "Может, нет дома никого"?– мелькнула мысль в голове у Джеймса. – "Ну, что ж, не велико видать нарушение в этой стране, если они вломятся в это, с позволения сказать жилище, без приглашения",– подумал он и отойдя в сторону, махнул рукой капитану Семенову: – Давай, Анатолий, командуй,– тот распорядился и здоровенный спецназовец, двухметрового роста пошел к дверям. Сначала он вежливо погромыхал по ней кулаком и прислушивался секунд десять. Мало ли объявится все же кто-то из живущих в этой завалюхе. Не дождавшись ответа, как и Джеймс до него, спецназовец отошел от двери на два шага и прыгнул на нее плечем вперед, с намерением снести ко всем чертям. Однако, хлипкая на вид дверь выдержала и оглушенный встречей с ней вояка, сполз, выронив из рук автомат АКС. Семенов, озадаченно поскреб свежевыбритый подбородок и махнув еще двоим, пошел знакомиться с дверями лично. Контуженного спеца оттащили в сторону, а капитан, пнув неожиданно оказавшуюся своенравной дверь берцем, прислушался:

– Похоже, из металла дверка-то,– сделал он заключение.– Ну, чтож не пускают в двери, войдем в окно. Рядовые Павлов и Федоров, вскрывайте,– тем, два раза повторять никогда не нужно. Шагнули к перекошенным оконцам и вмазали по фрамугам прикладами… В ответ стеклянно-деревянные оконные рамы, даже не задребезжали. А звук получился глухой, будто ударили кувалдой по наковальне. Павлов и Федоров озадаченно растирали зашибленные руки.

– Эт-та што еще за хрень?– удивился капитан и, достав пистолет из кобуры, постучал рукояткой по стеклу.– Тоже из металла что ли?– и шагнув назад, выстрелил в ведущее себя неправильно окно.

Пуля, попав в стекло, взвизгнув, ушла рикошетом в ночное, зимнее небо.

– Вот те, на!– озадаченно уставился капитан на окно.– Это что за технологии применены? Ну, не пластидом же рвать домишко?

– В чем проблема, Анатолий?– это Джеймс напомнил о себе.

– Проблема в том, Джеймс, что не войти нам в этот дом. Стекло пуленепробиваемое установлено. И рамы, похоже, из стали. Про дверь я вообще молчу. Взрывать придется,– Джеймс побарабанил кулаком по стеклу.

– Да, звук не стеклянный. Ну, чтож взрывайте раз уж иначе никак не получается,– принял он решение.

– Есть взрывать,– Семенов опять распорядился и, двое спецов метнулись к дверному проему.

– Всем отойти. Сколько прилепили?

– Двести, товарищ капитан.

– Давай еще столько же к петлям. Рвать, так рвать.

Через две минуты громыхнуло. Когда дым от взрывчатки развеялся. Все с удивлением уставились на целехонькие двери. Даже краска шелудивая не обсыпалась.

– Сколько с собой у нас пластида прихвачено? – повернулся капитан к командирам взводов. Лейтенанты переглянулись: – Кг пять еще есть,– отвечают.

– Давай, все лепи,– Семенов раздраженно махнул рукой.

– Товарищ, капитан. Снесет домик на хрен, воронка останется,– засомневался один из лейтенантов.

– Выполнять, мать вашу,– лейтенанты пожали камуфляжными плечами. Начальству видней.

Опять к дверному проему метнулись два спеца, сноровисто налепили пластид и, отбежав на безопасное расстояние, залегли. Рвануло так, что земля затряслась даже на безопасном расстоянии. Дверь выдержала. Сволочь.

– И что делать теперь будем?– растерянно топтались офицеры у проклятых, неуязвимых для ВВ дверей.

– А может через крышу попробовать?– робко подал идею один из лейтенантов.

– Пробуйте,– отмахнулся Семенов. И трое спецов полезли на кровлю. К несказанному их удивлению, слуховое чердачное окно оказалось не запертым и позволило им просочиться на чердак. Люк, ведущий на чердак оказался также не заперт и по скрипучей лесенке спецы спустились в чулан. А из него дверь, едва на петлях держащаяся и вот они уже у входной двери только изнутри.

Дверь оказалась заперта на деревянную щеколду. Сдвинув ее, они без труда распахнули неприступную, выдержавшую 5-ти килограммовый пластидовый удар дверь. Открылась с противным петельным визгом, не смазывали их похоже со дня установки ни разу.

С минуту, все оказавшиеся рядом, с чувством суеверного страха и удивления рассматривали это скрипучее чудо. Потом опомнились и толпой ввалились в жилую часть хибары.

Хибара оказалась пуста. Судя, по тлеющим углям в печи она была обитаема, но обитателей в ней не было. Ушли? Как? Двери заперев изнутри? Произвели осмотр помещений. Всего их было два. Кухня метров десяти квадратных с печью русской и комнатенка метров двадцати. Ни на кухне, ни в комнате ничего необычного обнаружено не было. Кровать с металлическими спинками и панцирной сеткой двуспальная, шкаф, стол круглый обшарпанный, да стульев четыре штуки.– Это в комнате. А на кухне и того проще. Стол, две табуретки, да лавка

со стоящими на ней ведрами. Заглянули и в шкаф. Висит барахлишко кой-какое и на полках лежит тряпье. Все.

– Так, интересно девки пляшут,– Семенов озадаченно топтался посреди комнатенки.– Вы там что-то про любопытного соседа докладывали. Ну-ка сюда его живенько. Расспросим. Может, прояснит чего,– вспомнил он своевременно.

Петруха, мычащий на пару с любимой коровой к тому времени уже минут двадцать и притихший только, услышав взрывы, был срочно из коровника извлечен, на ноги поставлен и доставлен пред грозные очи командира роты спецназа. Скотч с морды лица ему отлепили, вырвав при этом все, что там успело прорасти после последнего бритья и стоял он теперь в своих опорках и полушубке драном перед Семеновым… растерянный и перепуганный.

– Фамилия, Имя, Отчество!– не давая ему прийти в себя, приступил к допросу капитан. Время "Ч". Как учили.

– Козлов я Петр Ефимыч,– проблеял Петруха.– Петрухой все зовут.

– Ты вот что, Петруха, ты нас не бойся. Мы хорошие. И здесь по служебной надобности. К соседу твоему у нас вопросы, а его вишь ты дома не оказалось,– похлопал его по плечу капитан.

– К Емельке? Из-за танка чтоль?– спецы переглянулись.

– Из-за какого танка? Ты о чем, Петруха Козлов?

– Ну, как жа. Тут у него во дворе неделю почти стоял. Он, на ем в лес по дрова мотался. Вам бы с участковым нашим – капитаном Федоркиным на эту тему поговорить. Он допрашивал Емельку-то. Правда, говорят в запое он щяс, но как только выйдет из запою, вы с ним лучше переговорите про танк. А я че, я в танках не разбираюся. Я и в армии-то не служимши. Плоскостопие у меня,– понесло Петруху.

– Ну, ладно, хрен с ним с танком. Ты нам вот что скажи. Когда соседа своего последний раз видел?– перебил его капитан.

– А вот тогда и видел, когда к нему участковый Митька приходил. Я в окно смотрел. Пришел он значится к Емеле, вокруг танка походил и вовнутрь зашел. А танк и пропал почти сразу. Потом они вдвоем уже вышли, а танка и нету. А потом и участковый как-то незаметно ушел. На четвереньки встал, да и пропал. Мне забор мешал видеть как там и что,– Петруха лязгнул зубами, избавляясь в тепле от сарайного холода.

– Как пропал танк? Ты погоди. Ты нам про Емелю рассказывай. Про танк мы потом поговорим,– капитан, зайдя за спину Петрухи, повертел пальцем у виска.

– Ну, дак, а я про кого? Про него и говорю. Он тогда ушел в избу свою и больше я его и не видал.

– И давно ли это было?– уточнил капитан.

– Да, дён десять, почитай назад.

– Ну, а чего-нибудь странного в его поведении ты, Петруха, не замечал за ним до этого?

– Как не замечал. Он ведь у меня в огороде две яблоньки на дрова порушил и хотел икрой баклажанной китайской откупиться, паразит. Тока на хрена мне эта гадость? Я деньгами захотел ущерб получить. Так он ведь, сабака, мне цельных два центнера рублев жалезных припер и на крыльцо высыпал. С ведром, говорит, в магазин заместо кошелька ходи. Гад,– Петруха плюнул на пол в расстройстве.

– Какие рубли, Петруха? Сколько?

– Полмильена. Сказал. Я и считать не стал. Этож неделю сидеть. Половину уже отнес в магазин, так меня с ними уже гонют продавцы. Говорят, где берешь? На паперти никак! А я сроду не попрошайничал,– Петруха даже всхлипнул от обиды. -Эх!

– О как!– Семенов озадаченно посмотрел на Джеймса.– Ну а кто еще в доме этом живет кроме Емели?

– Маманя его живет. Ефросиньей все кличут. Хорошая тетка раньше была. До яблонек. А на прошлой неделе я ей и говорю,– "Тетка, Ефросинья, возьмите назад ваши рубли жалезные,

да дайте хоть бумажными. Так она фыркнула и сказала, что яблоньки наши давно, еще лет пять назад надо было на дрова порубать. Все равно урожаев с них нет».– Ну и что, что нет, может оне отдыхают? А сама в шубе новой вырядилась из лоскутов, правда, сшитая, но наверно деньжищ стоит неразменных,– Петруха опять всхлипнул.– Где вот Емеля столько рублев этих набрал? Их пади столько и во всем районе нет.

– Так, значит, маманя его тут чаще появляется? А сегодня ты ее не видел?– зацепился за главное капитан.

– Как не видеть, видел. По двору ходила, дрова носила в дом. Потом из печи дым повалил. Тока я с ними теперича не общаюсь.

– Вот что, Петруха, мы сейчас все отсюда выйдем и у тебя в засаде подождем хозяев. Ты не против?– капитан ласково улыбнулся информатору-языку.

Петруха испуганно завертелся: – Эт что, все в мою избенку забьетесь?

– Ну, нет, конечно. Оставим у тебя пару бойцов. Остальные в лесу пока посидят,– капитан улыбнулся еще ласковее.– Да вот этих троих иностранцев у тебя пристроим. Они люди не привычные, как бы не захворали на морозе-то нашем. А тебя мы отблагодарим. Пайков сухих подбросим комплектов пятьдесят. Ты уж извини ребят, что они с тобой не совсем аккуратно обошлись. Служба такая, брат. Понимаешь?– Петруха сморщился и пощупал ободранные щеки. – Ну, че с вами делать? Вселяйтесь, согласился он, вздохнув по-коровьи.

Засада получилась нудной и неинтересной. Сидели два мордоворота у окон и наблюдали, меняясь раз в сутки. Иностранцы те и вовсе о чем-то с утра до ночи шушукались на своем непонятном Петрухе языке. И по лицам их Петруха видел, что очень они недовольны этой засадой. Да и ему она

надоела уже на второй день. Не обманул, правда, капитан и пятьдесят коробок сухпая выгрузил.

А на улице снег повалил такой густющий, почти сразу после того, как из Емелиной конуренки все вышли, что в пять минут следы прикрыл. И теперь достаточно было бегло взгляд бросить на эту простыню, чтобы понять – не было хозяев пока дома. Но вот что странно. Вторые сутки засады, а дым из печной трубы Емельевой идет и идет. И иногда даже очень интенсивно. Сначала на это внимания не обратили. В первые сутки. А потом первым этот факт Петруха приметил:

– А дрова-то сто уж раз выгореть должны были,– ткнул он на клуб дыма выпорхнувший из трубы.

Спецы озадаченно переглянулись, а иностранец Джеймс даже подпрыгнул на табурете:

– Как, как вы сказали? Чего там выгореть должно давно?– подскочил он к Петрухе.

– Мы когда давеча уходили, там, в печи уголья уж чуть теплились. Избе пора уж выстыть за две то ночи,– Петруха хмыкнул.– А она дымит да дымит.

– Алло, Анатолий,– заорал по радиосвязи Бонд.– Джеймс говорит, тут с печью непонятное происходит. Двое суток дымит, а должна уже давно потухнуть. Не иначе кто-то дров подбрасывает. Нет, следов нет. Нет, не заходили. Нет. Да. Нет. Ждем.– Сейчас ваш капитан прибежит сюда, разбираться.

Глава 5

А Емеля с Ефросиньей тоже наблюдали за спецами. У Емели телекамеры везде понапиханы и система наблюдения покруче, чем у этих наверху. Объективы у телекамер размером со спичечную головку. Вот и не обнаружила спецура. Они пади и не знают, что такую японцы уже полгода как выпускают серийно для домашнего пользования. Ну, а со звуком и вовсе проще. По щурячьему-то велению Емеля даже у Петрухи пару телекамер установил с микрофонами.

"Да, с печью мы с матерью маху дали. А все она,– "Вымерзнет изба, вымерзнет изба".– Ну, вымерзнет. И что? Новую поставим. Нет, поднялась и протопила пару раз, не спросясь. Дрова-то в избе запасены. А, в общем-то, она права. Всю жизнь тут под землей не просидишь. Хотя можно куда-нибудь переместиться вместе с матерью подальше. Где их не знают. Да вот только опять же места-то родные, привычные. Отец похоронен на кладбище деревенском и мать, пожалуй, не согласится переезжать. Не тащить же ее насильно в чужие края",– думал Емеля, наблюдая, как огородами крадется капитан спецназовский, облачившись в белый маскхалат. Почти и не заметен на белом-то снегу.

– "А может выйти да поговорить с гостями не званными? Что они ему сделать-то смогут при его-то колечке? Это ведь американосы воду мутят. Не эти конечно, а те, кто этих послал. Вот, пожалуй, с их то главным и поговорю прямо сейчас. Ну, а если не поймет, то придется деревеньку нашу на время вместе с кладбищем и прилегающими угодьями отгородить. Делов то",-

Семенов тем временем дополз до крыльца Петрухина и за дверь шмыгнул.

Про печку опять разговор завели будь она неладна.

– Может быть, там ход потайной имеется?– строил предположения капитан.– Внимательно же все осмотрели. И погребок там метр на полтора с двумя кадушками и парой мешков картошки. Все простучали, даже в кадушки заглянули. Нет там ходов. А если есть, то очень хитрые, навроде дверей входных. Отложим ка еще на сутки осмотр. Вдруг, заявятся все же. Ну, а завтра, ежели никто не придет, то раскатаем по бревнышку всю эту избу к чертовой матери.

– Хорошо, Анатолий, ждем еще сутки,– это Бонд влез. Оставил за собой последнее слово. Ему уже порядком надоело это сидение у Петрухи. Особенно раздражало, то, что " удобства" находились во дворе и ходить приходилось в эти дощатые, продуваемые насквозь "удобства" по очереди. Бр-р-р.

Вот из этих то "удобств" Емеля его и выдернул прямо со штанами спущенными к себе в жилище подземное.

Джеймс, внезапно из продуваемого ледяным ветром щелястого скворечника, перемещенный во вполне современный сортир с унитазом и висящим на стенке рулоном туалетной бумаги в цветочках, зажмурился и впервые в жизни перекрестился. Потом осторожно разлепил глаза. Ни куда, ни чего не пропало, как сидел на унитазе с рулоном бумаги, судорожно зажатым в руке, так и сидит. Исчез сортир щелястый. В двери деликатно постучали и мужской голос на чистейшем английском поинтересовался:

– Мистер Бонд, не зашиблись ли вы там часом? Прошу прощения, если причинил Вам беспокойство, но обстоятельства сложились так, что я вынужден был к этому прибегнуть. Выходите и не опасайтесь за свою жизнь. Здесь Вам ничто не угрожает, и я постараюсь оказать Вам максимум гостеприимства,– голос был спокойный и доброжелательный. Бонд поспешно натянул джинсы и, спустив воду, осторожно приоткрыл дверь.

– Выходите, Джеймс. Позвольте мне Вас так называть? Я Емельян. Вы ведь со мной так настойчиво ищете встречи последние несколько дней? Извольте. Я готов Вас выслушать. Прошу в мой кабинет,– Емельян повернулся и не оглядываясь, пошел по широкому коридору.

Джеймс, нерешительно озираясь, следом,– "Что за наваждение? Где я? Может, меня загипнотизировали и я сплю"?– Джеймс ущипнул себя за руку.– "Больно. Нет, пожалуй, что не сплю".

Емельян остановился у одной из дверей и открыв ее, сделал приглашающий жест: – Прошу.

Джеймс в нерешительности топтался в двух шагах от него.

– Вы, я вижу, еще не отошли от изумления. Поверьте, Бонд. Я не причиню Вам зла. Только беседа. Это все, что мне нужно. И после нее вы вернетесь в Петрухины "удобства",– Емельян улыбнулся и, столько в его улыбке было доброжелательности, что Джеймс тряхнул головой, искусственно улыбнулся в ответ и скользнул мимо загадочного хозяина в распахнутую гостеприимно дверь.

Кабинет оказался довольно просторным, но с минимумом мебели. Стол с компьютером, несколько кресел и все. Из двух огромных окон лился дневной свет. Бонд подошел к окну. И увидел Эйфелеву башню. По небу плыли облака, и парижане спешили куда-то по своим делам. Даже звуки автомобильных движков доносились сюда.

– Мы в Париже?– удивился Джеймс.

– Ну, как Вам сказать? И в Париже тоже. Прошу Вас присаживайтесь. У нас говорят,– "В ногах правды нет".– Кофе, чай, что-то еще?

– Кофе капучино, если возможно,– Джеймс упал в кресло. Емельян подошел к одной из стен, нажал на панель, распахнулись створки, и выкатился журнальный столик. На столике стояли две чашки. С кофе и чаем. И что-то в плетеных соломенных тарелках. "Выпечка, надо полагать",– подумал Джеймс. Кофе оказался именно таким, какой он любил.

– Ну, что ж, Джеймс. Позвольте спросить? Что заставило Вас искать со мной встречи? Я в курсе, что Вы получили разрешение на мой арест и даже на экстрадицию меня в США. Не кажется ли Вам, что это несколько противозаконно?

– Видите ли, Емельян. Я всего лишь исполнитель. Лицо, так сказать, служивое. И рассуждать о правомочности тех или иных шагов, предпринятых моим правительством, не могу. Вами же мы заинтересовались, по Вашей же вине. Спутник – вот причина. Вы взломали код доступа. А он разрабатывался лучшими специалистами. И та легкость, с которой вы это проделали, заставила нас искать встречи с Вами. Поверьте, у нас в стране Вам будут предложены наилучшие условия для работы. Вам просто повезло, что я здесь и предлагаю Вам ее.

– А если я не приму Ваше предложение?– Емельян осторожно поставил на столик пустую фарфоровую чашку.

– Это будет очень опрометчиво с Вашей стороны. Вы станете изгоем в своей стране и преследуемым во всех остальных странах мира,– Джеймс сочувственно вздохнул.

– Других вариантов нет? Я Вас правильно понял?

– Да, Вы правильно поняли. У Вас просто нет шансов противостоять самой могущественной государственной машине,– Джеймс улыбнулся и подмигнул Емельяну.– Соглашайтесь. Вас ждет блестящее будущее. С Вашими-то мозгами…

– И все же у меня есть встречное предложение Вашим боссам. И Вам следует незамедлительно их известить. Предложение следующее. Они оставляют меня в покое. Забывают обо мне, а я обязуюсь впредь не вмешиваться в работу электроники Вашей страны. Где бы она ни находилась. На Земле или в космосе. Могу даже взять на себя обязательство не пользоваться бытовыми электроприборами, выпущенными Вашей страной. Если же мое предложение не будет принято и Вашим правительством будут осуществляться акции подобные нынешней, то я разнесу всю систему космической связи для начала, а потом примусь за Ваше народное хозяйство. В каменный век Вас верну. Вижу по Вашей саркастической улыбке, что Вы не принимаете мои слова всерьез? Что ж, прошу взглянуть вон на ту стену,– Емельян хлопнул в ладоши.– На стене появился экран.– Вот, смотрите – это спутниковая система США. На этой схеме показаны все их перемещения, взаимодействия и много всего такого, о чем даже Вам

знать не положено. Вот эта пара отвечает, например, за правительственную связь. Рубим ее на два часа. Зафиксируйте время. Эти три спутника числятся за метеорологами, ну и попутно они же входят в систему слежения. Запишите данные и фиксируйте время. Рубим их на два часа, пять минут и, скажем, шестнадцать секунд. Поверьте, Джеймс, я не блефую и могу отключить их все. Причем, насовсем. Пусть Ваше правительство подсчитает убытки, в которые я могу ввергнуть США. Это триллионы долларов. Это крах для страны. Экономический, политический, военный. А теперь позвольте с Вами распрощаться. И передайте капитану Семенову, что раскатывать домик на бревнышки я ему не советую. Нет у него под рукой ни техники для этого, ни средств. До свидания,– Джеймс, ошеломленный продемонстрированными возможностями, сидел открыв рот и не находил слов. А в следующее мгновение он опять оказался в Петрухиных продуваемых "удобствах".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.